

Альманах "Рыболов- спортсмен"

№06 1956

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
А57

А57 Альманах "Рыболов-спортсмен": №06 1956 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 391 с.

ISBN 978-5-519-18518-9

Сборники художественных рассказов и хроник о рыбной ловле, а также советы по изготовлению снастей. Прекрасная возможность окунуться в атмосферу природы и быта той страны, в которой многие из нас родились и выросли.

Очередной выпуск альманаха содержит очерки о рыбной ловле, статьи учёных-ихтиологов, рыболовов-практиков и журналистов об актуальных проблемах, опыте мастеров и новинках рыболовного спорта...

ISBN 978-5-519-18518-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дение докладов по вопросам спортивного рыболовства, ихтиологии и охраны рыбных запасов.

Из практических мероприятий, включенных спортсменами-военнослужащими в свои планы, очень многое, нам думается, должны сейчас уже перенять все секции спортивного рыболовства на местах при добровольных спортивных обществах и комитетах по физкультуре и спорту.

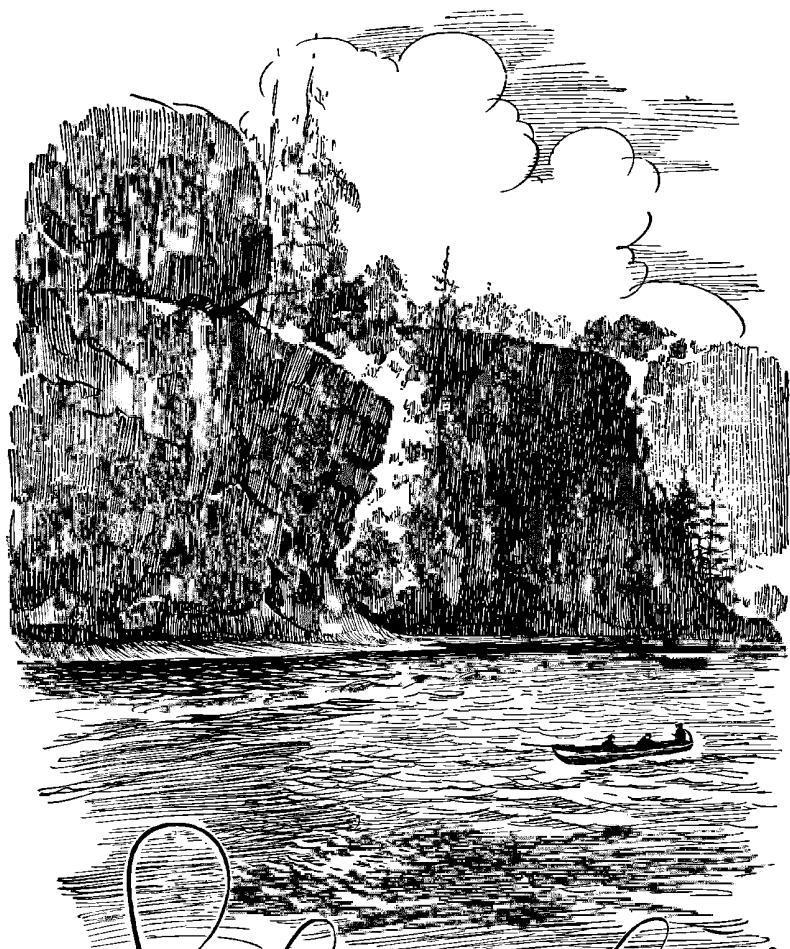
С другой стороны, среди работников, которые ведают по поручению государства охраной рыбных запасов и рыбозапасами, созрело сознание того, что свои задачи они не смогут успешно решать без широкого участия всего населения, и в первую очередь рыболовов-спортсменов, организованных в добровольные общества.

Поднятый на страницах сборников «Рыболов-спортсмен» вопрос о неотъемлемом праве и о долге каждого советского спортсмена активно участвовать в борьбе за чистоту рек, морей и озер своей Родины, за постоянное умножение наших рыбных богатств, за социалистическое, заботливое отношение к родной природе и ее дарам обсуждался в 1955 г. на всесоюзном, республиканских совещаниях органов рыбоохраны.

Министерство рыбной промышленности РСФСР сообщает нам, что оно всемерно ориентирует свою систему рыбоохраны опираться на помощь спортивных организаций и отдельных спортсменов.

Мы можем надеяться, что в недалеком времени продвинется, наконец, вперед и другое чрезвычайно важное дело: постоянная широкая пропаганда охраны рыбных запасов среди всего населения. Так, например, Министерством рыбной промышленности РСФСР совместно с Научно-исследовательским институтом прудового рыбного хозяйства разработаны и подготовлены к изданию плакаты, листовки и брошюры, призывающие население и общественность к охране рыбных запасов. Мы считаем, что это только один из первых шагов. Такие плакаты, брошюры и листовки должны появиться в каждом сельсовете, в каждом колхозе и совхозе, в каждом фабрично-заводском и сельском клубе, в комсомольских и пионерских организациях, во всех библиотеках страны. Ясно, что выпуск таких плакатов и брошюр должен принять массовый и постоянный характер и к этому надо приложить наши общие усилия.

И, повторяем, первое правило каждого рыболова-спортсмена, его неотъемлемое право и прямая обязанность — во время пребывания на водоемах оказывать всяческое содействие работникам рыболовных баз и инспекции рыбнадзора в их борьбе с нарушениями правил рыболовства, засорением и загрязнением водоемов. А в случае отсутствия инспекции рыбнадзора необходимо для ликвидации нарушений привлекать работников милиции, работников и членов сельских и районных Советов депутатов трудящихся.

Рассказы и очерки

П. Филимонов

КАРП ИВАНОВИЧ

Пасковская фамилия — Дитятко — вовсе не соответствовала его внешности и характеру. Высокий и кряжистый, с развалистой походкой, хмурый и молчаливый, с рыжими усами, густыми, лохматыми бровями, крупным пористым носом — таковы внешние черты этого человека.

Жители Лесной Кручи никогда не называли своего соседа по фамилии. Он известен как Карп Иванович. Впрочем, и это имя не настоящее. Как окрестили его родители, какое отчество он носил, я не знаю и по сей день.

Дитятко стал называться Карпом Ивановичем, так сказать, по собственному почину, вытаскивая удочкой карпа, он непременно восклицал:

— А-а! Карп Иванович! Пожалуйте сюда...

Так и приклеилось к нему это имя.

Карп Иванович — рыболов страстный. За ним ходила слава непревзойденного коропятника. Работая на железной дороге, он сутки дежурил, а двое отдыхал, и все утра свободных дней проводил на берегах Балановского пруда.

Как бы рано ни являлись туда другие рыболовы, они непременно опаздывали: лучшие места уже заняты удочками Карпа Ивановича. Только в те дни, когда он был занят по службе, удиль-

щики наперебой захватывали его позиции, где накануне было выловлено несколько отменных карпов. Давно известно — удильщик-неудачник всегда засматривается на занятое место. Ему кажется, что именно там целые косяки рыбы стоят в нетерпеливой очереди за наживкой.

Снасть у Карпа Ивановича грубая, прочная — три громадных ореховых и можжевельных удилища, толстая леса из крашеного хирургического шелка, большие кованые крючки, веретенообразные поплавки, выструганные из сосновой коры.

Самые усидчивые рыболовы, сложив удочки, купаются на песчаной отмели, завтракают, спят на жестких коврах телореза. Ничего не поделаешь — клев прекратился. И пора: солнце проплыло половину дневного пути, бранливые пастухи пригнали на водопой стадо, женщины полощут белье, детишки кричат. И даже в такой час из-под старой, обомшелой вербы время от времени слышится всплеск борющейся рыбы и знакомый возглас:

— А-а-а! Карп Иванович! Прошу вас ко мне.

Дитяtko бережно прячет карпа в просторный мешок с мокрой травой и долго уминает новый катышек хлеба, не отводя острых глаз от чернеющих на воде поплавков.

Иные завистники утверждали, будто Карп Иванович знает «заветное рыбе слово», приписывали удачи снадобью, которым, дескать, сдабривается приманка. Глупости! Просто у него были верные союзники — знание, умение и терпение. Пристроившись где-нибудь на заболоченной косе, между кустами на небольшом острове или у дощатой колонки водосливного устройства, называемого почему-то «монахом», Карп Иванович мог часами оставаться неподвижным.

Балановский пруд лежал на стыке земель крахмального завода, животноводческого совхоза и колхоза имени 13-летия Октября, считался «ничейным», и до войны удить в нем разрешалось. Среди прочей рыбы здесь водились закованные в бронзовую кольчугу карпы, легкие оттягивающие стрелку безмена до десятидесятикилограммовой отметки. Такие рыбы почтительно и ласково именвались «поросятами».

Попытки вытащить «поросенка» отнюдь не всегда увенчивались успехом. Единоборство часто кончалось сухим треском сломанного удилища, а иной раз и гулким всплеском упавшего в воду, разгоряченного борьбой рыболова.

У Карпа Ивановича подобные катастрофы не случались. В схватке со своим слишком сильным тезкой он не шел на риск потерять лесу, обрубленную острой зазубриной спинного плавника. В таких случаях удилище отпускалось и рыба до изнеможения таскала прут по водоему, пока хозяин снасти вплавь не овладевал удочкой.

Секретами своих удач Карп Иванович не делился. Стоило любопытному остановиться за спиной, как он грубовато и решительно предлагал обратиться подальше.

На вопрос дачников: «Нет клева?», — не оборачиваясь, отвечал:

— Унес дядя Лева... — Или: — Поклевывает, да обратно выплевывает...

Если наивные рыболовы интересовались, на что он ловит, следовали односложные ответы:

— На удочку. На крючок. На насадку.

Местные рыболовы пытались дознаться, на какую же наживку ловит удачливый коллега. Они тщательно исследовали берег, где сиживал Карп Иванович, но находили то зерна вареной кукурузы, то корочки белого и черного хлеба, то картофель или остатки кубиков из мятой, пресованной пшенной каши. Особенно ревнивый рыболов, лаборант крахмального завода Никита Петушак подвергал эти крохи безрезультатному анализу, подозревая присутствие «химических возбудителей».

Особенно Карп Иванович не любил ребятишек — за шустрость, громкие крики и любопытство. Те завидовали рыболову и боялись его.

Как-то один из мальчиков прямо и простодушно спросил:

— Дядя, на какую приманку вы так хорошо ловите?

— На жеваную сосновую шишку!

Ответ ошеломил, озадачил ребят. Это походило на правду. Дитяtko почти все время держал руку у рта, ковыряя в зубах. Издали казалось, что он действительно беспрерывно жует.

Чего не сделаешь ради успеха? Ребята испробовали рецепт. Смолистый, пахнущий хвоей, колючий плод сосны разжевать не удалось, и мальчики решили механизировать переработку шишек. Они варили их в кипятке, перемалывали на мясорубке, скоблили ножами, измельчали на терках и, прицепив на крючок завернутое в кусочек марли пахучее месиво, пытались ловить.

Карпы остались равнодушны к предложенному блюду. Они, видимо, не страдали авитаминозом.

В другой раз Карп Иванович, желая подальше и надолго усладить юных рыболовов, по секрету поведал им, что ловит на специальных «песочных червяков». Водятся они на глубине не менее одного метра в песчаном холме возле пионерского лагеря, в двух километрах отсюда.

Ребята, раздобыв лопаты, несколько часов добросовестно добирались до заданной глубины. Найденных ими «сальников» — личинок жука Карп Иванович забраковал:

— Не то, — сказал он. — Песочный червь зеленый, а головка красная. Показал бы образец, да вышли все...

Сообразив, что над ними дважды посмеялись, ребята изыскивали множество способов отомстить обманщику. Они околачивались поблизости, истошными голосами горлаючи веселые песни, подговаривали комбайнера Гришу, ездившего на мотоцикле без глушителя, подле самого рыбака чинить свою, якобы испортившуюся, трескучую машину. Иной раз тяжелый ком чернозема,

пущенный неизвестной рукой в самый напряженный момент клёва, бултыхался между поплавками...

Лет за пять до начала Великой Отечественной войны Карпа Ивановича постигло несчастье — поезд отрезал ему ногу. На пруду он появился только через год, еще более неподвижный и замкнутый. Порывался два-три раза и больше не показывался. Трудно на деревяшке отшагать восемь километров от Кручи до Балановки и обратно, а попутная машина на этой лесной дороге встречалась редко.

У Дитятко обнаружился другой талант — он отлично чинил примусы, стальные часы, мебель, подшивал валенки, запивал самовары, шил крепкие сапоги, подбирал и даже окуривал меха, придавая им соответствующую окраску. Карп Иванович стал незаменимым человеком в Лесной Круче, этом полудачном поселке.

Так, прирабатывая к пенсии, и жил он вдвоем со своей женой Мотрей, суетливой, вечно на что-нибудь жалующейся женщиной. Она вела все несложные расчеты с посетителями, принимала и выдавала заказы, назначала сроки. Муж и дома сторонился людей, стараясь даже серьезные вопросы, возникающие по работе, решать не с заказчиком, а через Мотрю.

Зимой поселчане заметили, что Карп Иванович начал неохотно принимать заказы, хотя попрежнему исполнял их добротнo и непременно к сроку. Заказчикам приводилось слышать, как за дверью комнатки, превращенной в мастерскую, завязывался супружеский спор:

— Возьми работу — человеку польза и нам прок, — уговаривала мужа Мотря. — Тут делов-то на день, не боле. Ну, чего уперся, как дышло в стенку?

Густой бас спокойно отвергал доводы:

— Нет у меня времени старые горшки латать. Дела есть попервей других. Иди — отдай. Скажи — пускай в Гостомель снесут, к Сеньке-жестянщику.

— Чего так? — спрашивал огорченный заказчик, забирая садовую лейку с отвалившимся носиком. — Деньги вам не требуются или, вправду, дела другие есть?

— На кушетке развалится, да мух на потолке считает, вот и все его дела, — тараторила Мотря, понизив на всякий случай голос. — Я, — говорит, — думаю. — А чего думать? Хочет пасеку завести, но пчелы в шапку меда не нанесут. Ульи требуются, на рои также деньги нужны, а взять их, денег-то, откуда, ежели от заказов нос воротить? Моду еще взял — полуношничать. Две лампы засветит и малюет на бумажке крестики, кружочки да палочки. — Черте-е-еж, — говорит. Или косточки на счетах швыряет — ему одному ведомые подсчеты делает. А мне на эти чертежи керосину бочками запасаться, что ли? После рождества в Киев подался за книгами. Теперь эти книжки читает. К старости лет в науку ударился. Вчера только из районного центра возвратился. Чего, спра-

шиваю,— тебя носило? Так разве он скажет по-людски? — На консультации,— говорит,— был...

Поведение Карпа Ивановича объяснилось весной. Мотря на базаре жаловалась бабам:

— Мой-то, вроде тронулся малость — задумал пруд на усадьбе выкопать! Без ноги человек, а такой труд вырешил на себя взять. Сам, говорит, все чисто сделаю, от пчел отказываюсь, рыбу разведу.

— Рыбу, при надобности, на базаре купить можно, чем зря земельный участок портить,— сочувственно вставила одна из слушательниц.

— Вот и я так же доказываю, а он на своем стоит — на палец не сдвинешь! — Мне, говорит, не жареная рыба нужна, мне требуется наполнение чувства. Без любимой охоты душа моя в ломаных кастрюлях не уместается... Уже досок два десятка привез, тачку сколотил, колеса к ней купил, грабарскую лопату. Для дома сделать чего — так некогда...

Два года рыл Карп Иванович котлован. Каждый свободный час копошился в земле. Участок усадьбы у казенного леса понижался, образуя естественную впадину. После многоснежной зимы и дождливого лета она заболачивалась ржавой, цвелою водой, в которой кишели головастики. В ходе «строительства» оказалось, что здесь есть и подпочвенная вода.

Пруд получился отличный, с постепенно увеличивающейся глубиной, любовно сделанными заводинками, высокими берегами и устройством для сброса избыточной воды. Весной Карп Иванович спустил сюда талую воду и, когда она отстоялась и согрелась, зарыл, посадив в пруд сотню сорокаграммовых карпиков, приобретенных в ближайшем колхозном хозяйстве.

Осенью поселчане, проходившие мимо дитятковской усадьбы, уже могли видеть, как из низинки вдруг выглянет согнутый кончик удилица и послышится:

— Мое почтение, Карп Иванович! Прошу вас, прошу...

Хозяин заботливо ухаживал за прудиком. Он обсадил берега орешником, ежевикой, по утрам подкармливал рыбу с плотика, насыпая на него вареный картофель или ржаные отруби. В опасную предвесеннюю пору, когда лед, чуть подтаявший за теплый день, ночью смерзается и мороз наглухо закупоривает поры во льду, Карп Иванович продавливал пешней несколько прорубей. Ходил между ними хмурый, беспокойный, наблюдая, как жаждущая кислорода рыба скапливалась у лунок.

В жаркие июльские дни, когда вода «цвела», наполняясь желто-зеленой мутью водорослей, от пруда веяло неприятным запахом, а на поверхности появлялось много медлительных жуков-водолюбов, рыба задыхалась в ядовитой углекислоте водорослей, вяло поднималась наверх и жадно жевала воду.

Карп Иванович принимал решительные меры к спасению своих питомцев. С помощью раздобытого где-то движка он соорудил

насос и по ночам поливал пруд длинными струями водяной пыли. Посельчане отнеслись к новой затее с неодобрительным пренебрежением:

— Переливает человек из пустого в порожнее. Одним концом шланга воду из пруда забирает, а другим туда же выливает...

— Плюнь на них, темный в таких делах народ, — отмахнулся Карп Иванович от Мотри, поведавшей о насмешках соседей. — Это зовется аэрацией. Вода разбрызгивается, смешивается с воздухом и несет этот воздух в глубину, к рыбе. Нет у нашего пруда водобомна, вот и доводится так действовать.

Вскоре пришлось воевать с извечными каверзниками — ребятишками. В прудике было много карпов, клевали они осторожно, но часто. «Браконьеры», пластунами подбираясь к берегу и лежа на животе в кустах, подбрасывали облепленный хлебом крючок.

Ох, и попадало же голоногим, когда сгребали их длинные ручки хозяина! Бить — не бил никогда, ушей не трепал. У попавшихся впервые безвозвратно конфисковывал удочку с самой драгоценной для ребят деталью — крючком. Злостных нарушителей Карп Иванович карал иначе — отнимал штанишки и отпускал на все четыре стороны.

— Пускай матка за штанцами явится. У меня с ней разговор состоится, не с тобой...

Это было наибольшей неприятностью. Стыдно пробираться к дому, хоронясь в колючей чащобе кустарников, скучно дожидаться темноты, чтобы под ее покровом мигом проскочить через улицу, юркнуть мимо соседских окон. Совестно объяснять причину утраты необходимейшей принадлежности туалета, а матери неприятно идти к Карпу Ивановичу за штанами. Таким образом, юные любители карпов получали обязательно две экзекуции: одну в голом виде, другую — во время облачения в возвращенное одеяние.

Закоренелые любители рыбной ловли в чужих водах сперва применяли сомнительный способ пассивной обороны, загодя пряча в отдалении ценнейшую часть одежды. Потом была разработана более надежная тактика: привлечение к операции младших братьев или соседских карапузов. Им поручалось наблюдать за окрестностями и подавать сигналы о приближении противника.

Новый прием целиком оправдал себя. Во-время замеченный Карп Иванович не мог преследовать быстроногих нарушителей. И набеги участились.

Тогда Дитятко завел собаку — черного лохматого пса Карого, с круглыми коричневыми глазами и безнадежно запутавшимся в шерсти репейником. Пес должен был бегать вдоль отдаленного, самого уязвимого берега, волоча за собой цепь с кольцом, надежным на проволоку.

Карый надежд не оправдал. Он больше лежал, положив голову на передние лапы и тяжело вздыхал, отчего в песке перед ноздрями выдувались ямочки.

Почувяв крадущегося мальчонку, пес поднимал голову, настораживал согнутые, будто сломанные уши, удивленно мигал редкими ресницами и отворачивался. Иногда он добродушно ронял: «бб-у!» или тихонько утробно ворчал.

Его явно одолевала лень. На него тоже действовало мечтательное очарование разлитой вокруг осени, перезвон птиц. В огороде, на высоких узловатых стволах покачивались круглые, закутанные в яркожелтые бахромчатые платки лики подсолнухов. Картошка подставляла нежаркому солнцу по-старушечьи морщинистые листья, целились в небо круглые острые стрелы зеленого лука. Обласканные добрым соседом — прудом, растения, как ни в один год, стояли сочные, темнозеленые.

Мальчишки принимали молчание пса за знак согласия и осторожно выдвигали над водой удочки.

В августе 1944 года мне снова довелось побывать в Лесной Круче. Фронт все быстрее откатывался на запад, бои шли на границах Украины. Поселок уцелел, но на всем лежал скорбный налет запустения, одичалости и какой-то оголенности. Так выглядит лиственный лес после нашествия лавины гусениц, когда сквозь неестественную летом голь деревьев просвечивают лишь горькие листья осин, отвергнутые прожорливыми насекомыми. По ирпенским лугам еще опасно было ходить: кое-где оставались мины. В лесу разбитые снарядами сосны проливали прозрачные слезы смолы. Среди слежавшейся, потемневшей хвои белели пески окопов.

Карп Иванович попрежнему занимался ремонтом. Среди заказов не стало мебели, самоваров, примусов. Обнищавшие, обновившиеся люди тащили в починку главным образом обувь — такую ружлядь, для которой до войны и на запыленном чердаке не нашлось бы места. Работы прибавилось, но оплата уменьшилась. — Вы бы, Мотря, рыбу продавали, — говорили люди. — Она же есть у вас?

— Есть-то есть. Коропа в пруду, как пшена в мешке. Но мой не велит. Себе, говорит, нужно. А для себя у нас излишек. Сядет с удочкой, поймает два-три на обед, а что еще вытащит — обратно выпускает. Не убили в нем охоту ни страх, ни нужда. Но перечесть, милые, мне нельзя — рыба при немцах нас от голодухи спасла, ею только и питались...

Как только затихли бои в Лесной Круче, организовали детдом. Сотня десятилетних мальчиков и девочек поселилась в просторном доме, сохранившемся после владычества какого-то сбежавшего «фольксдейче». В разношерстной, испятнанной множеством заплат одежде, с необычайно длинными от худобы шейками, не по-детски серьезные, они тихо бродили по лесу, собирая хворост и грибы.

В лесу с детьми часто встречался Карп Иванович. Но дети вели себя смирно. Более того, они собирали для старика хворост и шишки, сгребали хвою, помогали грузить тачку, гурьбой подтачивали ее, если путь шел в гору. Горькая школа войны отучила

их от детских забав, но научила понимать чужое горе или нужду. Давая отдых натруженной протезом ноге, Карп Иванович сидел под дубом, скручивал цыгарку. Детишки воровьями слетались к нему, засыпая наивными «городскими» вопросами.

Как-то перед вечером Карп Иванович что-то старательно писал, потом спросил у Мотри чистую рубаху, навел блеск на стоптанный сапог, расчесал зазубренной гребенкой усы и вышел в сени. Мотря спросила:

— Куда, на ночь глядя? И дождь собирается...

— Дело есть. В сельсовет иду.

— Семь километров в потемках ковылять! Сиди уж! Подождет твое дело,— уговаривала жена.

— Нельзя. Неотложно.

Была пятница — день заседания исполкома поселкового Совета. В комнате людно. В синих волнах густого махорочного дыма, захлебываясь, бился худосочный огонек коптилки. В полутьме трудно было сразу распознать вошедшего человека.

— Кто пришел? — оглянувшись на стук щеколды председатель исполкома Матвей Федорович — однорукий, светловолосый, в шинели с полинявшими френтовыми петлицами.

— Я это, Дитятко.

Карп Иванович нерешительно шагнул вперед, снял выдавший виды картуз, достал из него аккуратно сложенную бумагу и молча протянул председателю.

Председатель, местный человек из рабочих-крахмалыщиков, всмотрелся, узнал:

— Ты, Карп Иванович? С чем пришел?

— С делом.

— Сейчас, сам видишь,— заседание. Может завтра, а?

— Отлагательства не терпит, товарищ председатель. Заседание в самый раз. Оно свое решение и скажет. Дело у меня минутное.

Матвей Федорович развернул бумажку, наклонился к огоньку, с трудом разбирая неровные карандашные строки. Лицо его вдруг посветлело.

— Товарищи,— выпрямился председатель, весело оглядывая присутствующих и хлопая ладонью по столу.— Карп Иванович выручает из трудного положения, над которым мы с вами сейчас ломали головы. Я прочитаю, что он пишет:

«Кручанскому сельсовету. Заявление. Ввиду трудного продуктового положения в нашем детском доме, по причине чего там малые завтраки и обеды, а на ужин вовсе не хватает. Детки терпят недоедание, отчего могут быть болезни и окончательное ослабление, чего позволить невозможно. А потому прошу сельсовет бесплатно выловить весь, как есть, мой пруд, для подмоги детскому рыбой. Просьбе моей прошу не отказать, потому что бредня лично не имею, а также самому выбрать коропа неспособно, по причине инвалидности, в чем и расписываюсь. Дитятко».